

Наган, пулемет, штык, винтовка да пашка -
В Казаки ныне - Руси ореол,
Да дьявольски кровная русским замашка:
Насильничать, грабить, вершить произвол...

Ковыльные волны под ветром пригнулись,
К земле прилегли, еле слышно шепча:
- "О, если-бы только родные вернулись!...
О, если-бы выгнали прочь палача!..."

Заря занялась и под знаменем Воли
Собираются, мщеньем горя, казаки:
- "Долой с нашей Родины цепи неволи!
Геть вон! Богоносные каты-волки!..."

...Ковыльные волны под лаптем тирана
На лоно степи серебром полегли...
На Западе-ж дальнем, как рев урагана,
В горне Воли, Мести куются подки...

20-II-1932 г.

---000---

Вл. БАЛАБИН.

ОСКОЛКИ БЫЛОГО.

Не помню - когда это было, не то в конце августа, не то в начале сентября.

Наша дивизия стояла на правом фланге армии.

Боев в это время не было. Несли сторожевую службу и изредка посылались разьезды для освещения местности. Разведка эта оканчивалась всегда благополучно, потому что мы не забирали японцев; в свою очередь и японцы держали себя корректно.

С вечера я получил приказание утром ехать с разьездом на такую разведку, а посему утром еще до восхода солнца я выехал. У меня был полный взвод.

Проехав сторожевое охранение я выслал дозоры вперед и на фланги, как полагается.

Проехали версты две и поднялись на одну невысокую сопку; перед нами открылась картина впереди лежащей местности. Прямо перед нами верстах в трех или четырех виднелась китайская деревушка, которая, мы знали, была занята японцами. Влево значительно ближе к нам стояли две отдельные фанзы.

Мы двигались шагом вперед. Левый дозор, в котором были казак и калмык, направился к фанзам. Вдруг из-за них выскакивают два конных японских солдата и скачут по направлению к своей деревне. Дозор не выдерживает, видя неприятеля в двадцати шагах и пускается за ним.

У калмыка лошадь хорошая и он сразу отделяется от казака и нагоняет японцев. Они оглянулись, слыша погоню и увидели, что враг в

трех шагах; наклоняются вперед и гонят лошадей во-всю; но лошадь калмыка много лучше и он нагоняет их и бьет плетью через лоб ближайшего из них. Японец слетает с коня, как будто его ветром сорвало, а калмык кидается ловить коня, что скоро ему и удалось.

Казак же погнался за вторым японцем, но так его и не догнал.

Я остановил разъезд и наблюдал за этой картиной.

Поймав коня, калмык вернулся к лежащему японцу, слез и начал его трясти; но тот не приходит в сознание; тогда калмык отстегивает у японца фляжку и начинает поить его, немного приподняв. Японец пришел в себя. Калмык поднял его и поставил на ноги, но тот стоит и шатается, как пьяный.

Подведя к нему коня, калмык сакает на него японца; сам садится на своего коня и, взяв за повод японского коня, ведет к нам.

Японец сидит и шатается в буквальном смысле слова, как пьяный. Когда они подъехали к нам, то мы увидели у японца на лбу шишку чуть не в кулак величиной.

На мой вопрос: - "Зачем ты кинулся ловить коня, а японца бросил? Ведь у него винтовка," он мне ответил: "Я, В.в.б., видал, что я его хорошо попал".

х

х х

Недели через две после этого случая мне вновь пришлось быть свидетелем другой картины.

Я опять был с разъездом и опять у той же деревни, но правее ее.

Правый дозор мой наткнулся на конного японца, который кинулся уходить в деревню, а один из дозорных за ним.

У казака лошадь не важная, а у японца еще хуже. Казак его быстро нагоняет и не рубит шашкой, а хватает его поперек, желая стянуть с коня; японец в свою очередь обхватывает казака и начинается борьба; сначала лошади идут рядом, а потом разъединяются и они оба падают, а лошади, проскакав еще шагов двадцать, останавливаются, поводя боками.

Борющиеся поднимаются с земли. Из деревни бежит кучка японцев на помощь; и казак и японец это видят.

Казак знаками предлагает японцу садиться на коня, но тот упрямится, затягивая время и ожидая помощь.

Видя, что дело начинает принимать дурной оборот, казак разворачивается и бьет кулаком японца, тот хватается за лицо обеими руками, а казак бьет его второй раз, но уже по уху, и японец как сноп падает на землю.

Казак же бросается к своему коню, садится, и ухватив за повод коня японца, скачет к нам.

Бегущие японцы, которые были уже шагах в ста, останавливаются и начинают аплодировать.

Дед БАЛАБИН.